

ПРОЩАЯСЬ С РОССИЕЙ

Немало написано книг и журнально-газетных статей о М. С. Щепкине. И все же малоизвестными остаются последние годы и дни великого артиста.

Последние годы Щепкин проводил в Москве на 3-й Мещанской улице (дом № 47 по улице Щепкина, который хорошо сохранился и сейчас). К дому прилегал густой тенистый сад, заросший сиренью, смородиной, малиной. Сад этот напоминал ему родное село Красное, отчего, по его словам, становилось легко на душе, хорошо заучивались роли. Щепкину шел уже восьмой десяток. Много тяжелого пришлось пережить. Сильно поредела его семья. Умерли престарелая мать, сестра Анна, две дочери Александра и Фекла, сын Дмитрий, талантливый молодой ученый. Не стало замечательной хозяйки дома жены Елены Дмитриевны — верного друга и спутника его жизни.

Многих близких друзей недосчитывался он. Ушли из жизни Гоголь, Белинский, Шевченко, Аксаков, Грановский. Герцен жил вдали от Родины. Сильно давали знать годы. Но, как и прежде, за обеденным столом его дома по воскресеньям собирались знакомые, а молодежь веселилась в саду.

Летом Щепкин продолжал свои выступления в Малом театре или брал отпуск и уезжал на гастроли в провинциальные города. Весной 1863 года здоровье

его ухудшилось. «Душой-то я как будто бодр, а тело мое становится мне попереки дороги», — говорил он домашним. В доме Щепкина жила родная сестра Мочалова, старая трагическая актриса Мария Степановна, которую он шуточно называл «Моя милая Трагедия». Перед отъездом Михаил Семенович вышел с ней в сад и сказал: «Помни, Трагедия! Ты видишь эти развернувшиеся листья? Прежде, чем они упадут на землю, меня уже не будет...»

1 июня М. С. Щепкин выехал из Москвы в сопровождении слуги, о котором до наших дней было лишь известно, что звали его Александром. Известному литератору и автору монографии «Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина» Т. С. Грицу в последние годы своей жизни удалось отыскать воспоминания слуги Щепкина. Звали его Александром Григорьевичем Алмазовым. Он в подробностях записал последнюю гастрольную поездку артиста.

Первым городом на его пути был Нижний Новгород, где он выступил в «Ревизоре» и в память о своей встрече с Т. Г. Шевченко сыграл «Москаля-чаривныка». Потом Щепкин побывал в Казани, Саратове, Царицыне. Отсюда

он посылает домой письма, скучает на одиночество, скуку, шлет самые теплые слова своим внучатам, «большим и маленьким». 29 июня в Саратове к нему приходил двоюродный брат Степан Щепкин и провел у него три часа. Из Царицына Михаила Семеновича провозжали по железной дороге до станции Калач многочисленные его поклонники.

В Ростове он сыграл роль городничего в «Ревизоре», отказавшись от вознаграждения. А последний спектакль «Горе от ума» в Ростове был отменен за малым сбором. 9 июля Щепкин рассказывал Н. В. Кукольнику: «Первый раз в жизни пришлось получить пощечину — где же? Из Дону в Ростове... В воскресенье на «Горе от ума» никто не явился. Как быть?.. Я стал собираться в дорогу».

В Керчи артист выступил в двух спектаклях, а третий отменили из-за его болезни. Но болезни не мог воспользоваться также приглашением И. К. Айзавоского посетить выставку его картин в Феодосии.

21 июля Михаил Семенович прибыл в Ялту. Он попросил Алмазова съездить в Ливадию и разыскать там хорошего знакомого Н. В. Гоголя В. М. Княжевница и близкого друга Т. Г. Шевченко Я. М. Лазаревского. Последний в то время был упрямляющим Ливадией. Лазаревский возил Щепкина по ливадийскому парку, показывал море, познакомил с известной певичей

Ю. Ф. Абазе, а возвратившись во дворец, познакомил артиста с пригласенным ялтинским врачом и поэтом Степаном Руданским. Как записал в воспоминаниях слуга, Руданскому трудно было признать Щепкина больным, так как он был необыкновенно весел, и поэтому вместе с Лазаревским уже через час они выехали в Алупку к князю Воронцову.

Автору этих строк доводилось неоднократно слушать рассказы музейных работников Воронцовского дворца о том, как Щепкин читал на балконе главы из «Мертвых душ» Гоголя, а когда его здесь оставили одного, вдруг почувствовал себя плохо.

По словам слуги, после поездки в Алупку Щепкина уже ничто не развлекало.

Несколько ночей подряд он не спал, все время курил сигары. К нему приходило много посетителей, все они относились с большим участием к старику, но он никого не признавал. Это случилось не позже 9 августа, поскольку звук артиста М. Н. Щепкин записал в своих воспоминаниях: «9 августа 1863 года отец мой получил телеграмму от человека М. С. Щепкина, Александра, из Ялты, что с Щепкиным сделался удар, и Михаил Семенович просит дать знать сыну, который где-то поблизости».

«Последний день, — записал слуга. — Я пересадил их в кресло в 9 утра 11 числа августа сего года, но в половине 12-го часу

того же числа стала заметна ихняя кончина в самом тихом виде. Я стоял вокруг их немного сбоку. Они повернули голову и раскрыли глаза, вступили свой взор на меня, и будто бы хотели сказать, но не смогли ничего выразить. Слезы из обоих глаз покатались, и с тем кончилась жизнь».

Похороны состоялись в Москве на Пятницком кладбище. По словам корреспондента газеты «День» (1863, № 39), на похоронах М. С. Щепкина не было «из властей никого, даже театральная дирекция не сочла нужным почтить память человека, посвятившего жизнь русскому театру...».

Герцен потом напечатал в «Колоколе» статью-некролог, где есть такие строки: «Пустеет Москва... и патриархальное лицо Щепкина исчезло... а оно было крепко вплетено во все воспоминания нашего московского круга. Четверть столетия старше нас, он был с нами на короткой дружеской ноге родного дяди или старшего брата. Его все любили без ума: дамы и студенты, пожилые люди и девочки. Его появление вносило покой, его добродушный упрек останавливал злые споры, его кроткая улыбка любящего старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающие причины была школой гуманности. И при том он был великий артист. Артист по призванию и по труду. Он создал правду на сцене. Он первым стал метафизиком на театре...».

И. ОРЕЛ,
краевед.

г. Белгород.